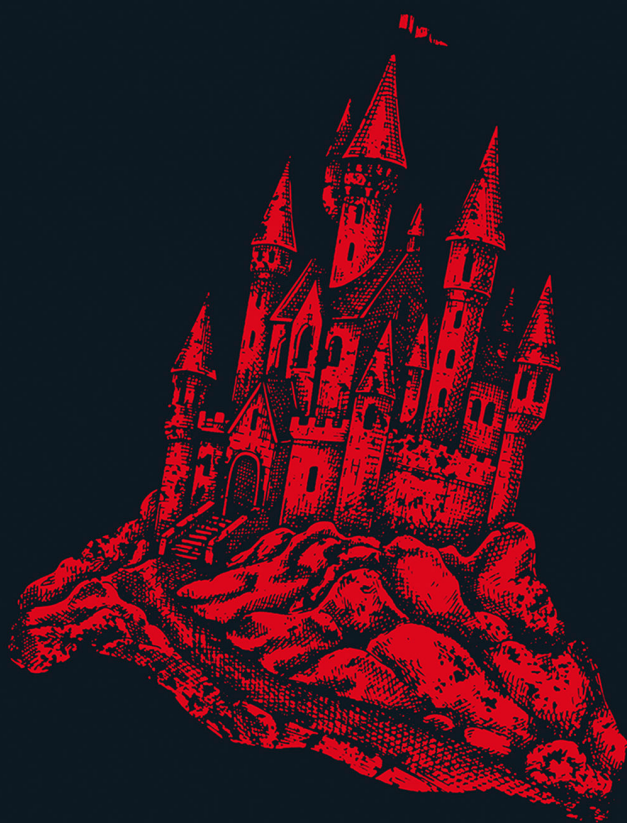

МИФЫ О ВАМПИРАХ
ОТ УПЫРЕЙ И ОСИНОВОГО
КОЛА ДО ЖЕЛЕЗНЫХ ЗУБОВ
И ВАН ХЕЛЬСИНГА

КЛОД ЛЕКУТЁ

МИ∞

МИФ Культура

Клод Лекутё

**Мифы о вампирах. От
упырей и осинового кола до
железных зубов и ван Хельсинга**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

1999

УДК 7.046
ББК 82.3(0)

Лекутё К.

Мифы о вампирах. От упырей и осинового кола до железных зубов и ван Хельсинга / К. Лекутё — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 1999 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250791-7

Образ ожившего покойника, встающего из могилы, чтобы насытиться человеческой кровью и продлить свое земное существование, давно и прочно укоренился в европейской культуре. Окончательно он выкристаллизовался в позапрошлом веке на страницах «Дракулы» Брэма Стокера. Но как представляли вампиров в народных поверьях и преданиях по всему миру? В этой книге собраны исторические свидетельства и фольклорные тексты разных народов, позволяющие разобраться, почему наши предки верили в вампиров, какими воображали их и как защищались от них.

УДК 7.046
ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-00-250791-7

© Лекутё К., 1999
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 1999

Содержание

Информация от издательства	7
Введение	8
Глава 1. Миф о вампире	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Клод Лекутё

Мифы о вампирах. От упырей и осинового кола до железных зубов и Ван Хельсинга

Информация от издательства

Оригинальное название:

Histoire des Vampires: Autopsie d'un mythe

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Éditions Imago, 1999, Published by permission of the Proprietor and literary agents, Cristina Prepelita Chiarasini (France) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Введение

*Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад...
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!*

Гёте. Коринфская невеста (1797)¹

Мертвецы способны восставать из могил, чтобы досаждать и вредить живым, – такое верование укоренилось еще в незапамятные времена, ибо ревенанты – восставшие мертвецы, пришельцы из потустороннего мира – редко когда движимы добрыми намерениями. На этой почве людское воображение породило множество разных образов, малоизвестных нам по той причине, что в начале XVIII в. их решительно вытеснил вампир, образ которого мало-помалу обретал форму благодаря знаменитому Дракуле, получившему бессмертие с легкой руки Брэма Стокера (1847–1912), чей одноименный роман выдержал множество изданий и до сих пор выпускается². Известно, что произведение Стокера по-прежнему служит источником вдохновения для писателей и кинематографистов. В 1993 г. Фред Саберхаген и Джеймс Харт³ даже адаптировали историю графа Дракулы для сценической постановки.

В глазах широкой публики вампир – кровопийца, тот, кто по ночам является к спящим и, высасывая из них жизненные соки, обрекает их на медленную смерть. Благодаря книгам и фильмам нам хорошо знаком этот господин, который, как нас уверяют, жутко боится чеснока и креста, этот оживший мертвец, которого страшит дневной свет. При ясной солнечной погоде он таится в своем гробу или в деревянном ящике с землей из его могилы. Он спит там с широко открытыми глазами, меж тем как крысы охраняют его от всякого, кому случится оказаться поблизости. У вампира, как это положено истинному живому мертвецу, очень бледная кожа, неестественно длинные и заостренные, точно собачьи клыки, зубы, ярко-алые губы и чрезмерно отросшие ногти. Руки у него всегда ледяные и обладают стальной хваткой. Свое прибежище он покидает под аккомпанемент неистово завывающих собак или волков, а проникая в чей-нибудь дом, погружает его обитателей в неотвратимое оцепенение. Некоторые утверждают, что вампир умеет обращаться в муху, в крысу или в летучую мышь и в этом обличье подслушивать разговоры своих преследователей, что он способен общаться с собратьями-вампирами посредством телепатии. И что он может ловко, как ящерица, спускаться на землю с отвесных стен своего замка.

---

¹ Пер. А. К. Толстого.

² Роман выдержал два издания в Великобритании (Oxford, 1983; London, 1993), три во Франции (1989, 1992, 1993) и одно в Бельгии (1993). *Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.*

³ *Фред Томас Саберхаген* (1930–2007) – американский писатель, создававший произведения в основном в жанрах научной фантастики и фэнтези. Также написал ряд романов, главные герои которых – вампиры (включая Дракулу). *Джеймс В. Харт* (1950) – американский сценарист и писатель. *Прим. пер.*

Вампир. Иллюстрация из книги Коллена де Планси «Истории вампиров и злых духов, дополненной исследованием проблемы вампиризма», 1820.

Collin de Plancy, J. Histoire des vampires et des spectres malfaisants, avec un examen du vampirisme. Paris: Masson et fils, 1820 / Harvard college library

Все эти подробности проистекают из народных преданий, пришедших к нам из далекого прошлого. Стокер собрал их воедино и наделил ими своего персонажа, что впоследствии и породило миф о вампире. Стокер определенно вдохновлялся произведениями авторов более ранней поры, хотя ни один из них никогда не создавал образа столь же сочного и убедительного,

как его вампир Дракула. Путь проторил Дж. Уильям Полидори, написавший в 1819 г. повесть, которая так и называлась – «Вампир».

Произведениями на вампирскую тему отметились немало известных писателей, в их числе – Проспер Мериме со сборником «Гусли» (1827), а также Шарль Бодлер, Джордж Байрон, Сэмюэл Тейлор Кольридж, Феликс Л. Ю. Дан⁴, Александр Дюма, Ганс Гейнц Эверс⁵ и Теофиль Готье⁶. Кинематографическая история вампиров началась в 1913 г. с картины итало-американского режиссера Роберта Виньола «Вампир», а «жалованную грамоту» на признание вампирской теме принес немой фильм ужасов немецкого режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау «Носферату. Симфония ужаса» (1922), где жертва отважно удерживает вампира до рассвета и тот погибает в жгучих лучах солнца. В 1930–1940-е гг. выходит как минимум семь кинокартин про вампиров – по картине чуть ли не каждый год! С 1943 г. фильмы на вампирскую тему идут нескончаемым потоком, а начиная с 1958 г. каждый из ныне живущих имел хотя бы одну возможность полюбоваться на вампира в исполнении Кристофера Ли. Представленная в серьезном драматическом ключе или в жанре комедийного хоррора – как у Романа Полански в его фильме 1967 г., названном в американском прокате «Бесстрашные убийцы вампиров. Извините, но ваши зубы застряли в моей шее» (другое название – «Бал вампиров») – вампирская тема⁷ пользовалась невероятным успехом⁸. Это ли не доказательство, что она затрагивает животрепещущий вопрос и предмет наших неизбывных мучительных размышлений, а именно: что происходит с человеком после смерти? В 1992 г. кинотеатры начали прокат «Дракулы» Френсиса Форда Копполы, и с того времени желающие могли приобрести видеокопию этого фильма и содрогаться от киношных ужасов в уюте домашней обстановки. Не далее как двумя годами позже Нейл Джордан адаптировал для кинопостановки серию бестселлеров Энн Райс «Вампирские хроники» с героем-вампиром по имени Лестат, выпустив мистическую драму «Интервью с вампиром»⁹. Судя по всему, вампирская тема неисчерпаема, что доказывает кинематограф, в изобилии производя как блестящие образчики фильмов о вампирах, так и убогие поделки. В 1965 г. мы наблюдали, как вампира ввели в традиционный жанр вестерна (лента «Билли Кид знакомится с Дракулой»). А еще раньше, в 1962 г., вампира подмешали в историю Древнего Рима («Геркулес и вампиры»). В 1961 г. вампирская тема вылилась в противоборство между знаменитым силачом времен немого кино и вампиром в киноленте «Мацист¹⁰ против вампира»¹¹. И кто бы стал отрицать, что вампирская тема занимает важное место в нашем воображении?

⁴ Феликс Людвиг Юлиус Дан – немецкий историк, писатель, поэт и правовед, автор исторических романов. *Прим. пер.*

⁵ Ганс Гейнц Эверс – немецкий писатель и поэт, автор мистических рассказов и романов готической направленности. *Прим. пер.*

⁶ Некоторые сведения по данному предмету помещены в следующих изданиях: Goimard J., Stragliati R. Histoire des morts-vivants. Paris: France Loisirs, 1978; Sturm D., Völker K. La Grande Anthologie du fantastique, Von denen Vampiren oder Menschensaugern. Munich: Suhrkamp, 1994. (Phantastische Bibliothek, st. 2281). Можно упомянуть и ряд таких исследований, как: Knödl G. Der Vampir // Der Literatur des 20. Jahrhunderts. 1994; Senf C. A. The Vampire in Nineteenth Century English Literature. Bowling Green, Ohio: Bowling Green State University Popular Press, 1988; Lottes W. Dracula and Co. Der Vampir in der englischen Literaturen // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1983. Vol. 220. P. 285–299; Hochhausen R. Der aufgehobene Tod im französischen Populärroman des 19. Jahrhunderts: Ewiger Jude, Vampire, Lebenselixire. Heidelberg: Carl Winter Verlag, Studia Romanica, 1988. S. 71.

⁷ Schmidt K. M. Dracula, der Herrscher der Finsternis // Müller U., Wunderlich W. Mittelalter Mythen 2: Dämonen, Monster, Fabelwesen. Saint-Gall: UVK Fachverlag für Wissenschaft und Studium, 1999. S. 185–204 (цит. s. 185).

⁸ По данным К. М. Шмидта, с начала эры кино было снято не менее 650 кинолент о вампирах.

⁹ По сюжету вампир выступает в образе рок-н-рольного идола и погружает аудиторию в состояние истерии, которая для многих заканчивается самым скверным образом.

¹⁰ Мацист – персонаж немого кинематографа, древнеримский раб, обладающий огромной физической силой; впервые исполнен итальянским актером Бартоломео Пагано в немом фильме режиссера Джованни Пастроне в 1914 г. *Прим. пер.*

¹¹ Dorn M. Vampirfilme und ihre sozialen Funktionen. Frankfurt: Peter Lang, 1994.

По мнению социологов, пышный расцвет литературных и кинопроизведений на вампирскую тематику обусловлен тем, что они затрагивают сразу несколько из таких «значимых» вопросов, как болезнь, смерть, сексуальность и религиозное чувство. Более того, эти произведения показали, что образ вампира вполне пригоден для политической рекуперации, т. е. его можно интерпретировать в нужном смысловом ключе и приспособить под текущие политические цели. С 1741 г. понятие «*вампир*» приобрело новое значение: «тиран, высасывающий из народа жизненные соки»; вот и Вольтер писал, что «настоящие вампиры – это монахи, которые пируют за счет и королей, и народа»¹². Карл Маркс считал кровопийцами капиталистов. Немецкий кинорежиссер и продюсер Ганс Гайссендёрфер уподобил графу Дракуле торжествующего Гитлера в художественном фильме 1970 г. «Джонатан» (оригинальное название *Jonathan* или нем. *Vampire sterben nicht*, «Вампиры не умирают»), давая понять зрителю, что идеи национал-социализма столь же живучи, как и кошмарные вампиры, – тогда как Ганс Гейнц Эверс в романе «Вампир» 1921 г. объединил восставших мертвецов с евреями. Клаус Шмидт справедливо замечает, что «в силу самой своей природы Дракула, антихрист, властен вызывать бесчисленное множество негативных и позитивных ассоциаций»¹³.

Именно этой силе вампиры обязаны своим успехом, и это неизменно выигрышное качество: быстрый поиск в интернете выдает более двух с половиной сотен веб-страниц о вампирах, причем с дискуссионными форумами и чатами!¹⁴ А посмотрите, какие изысканные адреса у этих сайтов: тут и «Вампирский сад», и «Вселенная вампиров», «Логовище вампира», «Вампирские хляби» и прочее в том же духе. Из интернета мы узнаём, что существует Трансильванское общество Дракулы, которое издает ежеквартальный бюллетень под названием *Internet Vampire Tribune Quarterly* и держит тематические вампирские ночные клубы. Словом, поклонникам макабрических диковин есть чем утолить свое любопытство.

---

¹² Voltaire. Oeuvres complètes [Complete Works]. Vol. 20. Paris: Garnier, 1879. P. 550.

¹³ Schmidt K. M. Dracula, der Herrscher der Finsternis...

¹⁴ Если производить поиск с использованием нескольких поисковых машин, результаты в поисковой выдаче зашкалят за несколько тысяч сайтов!

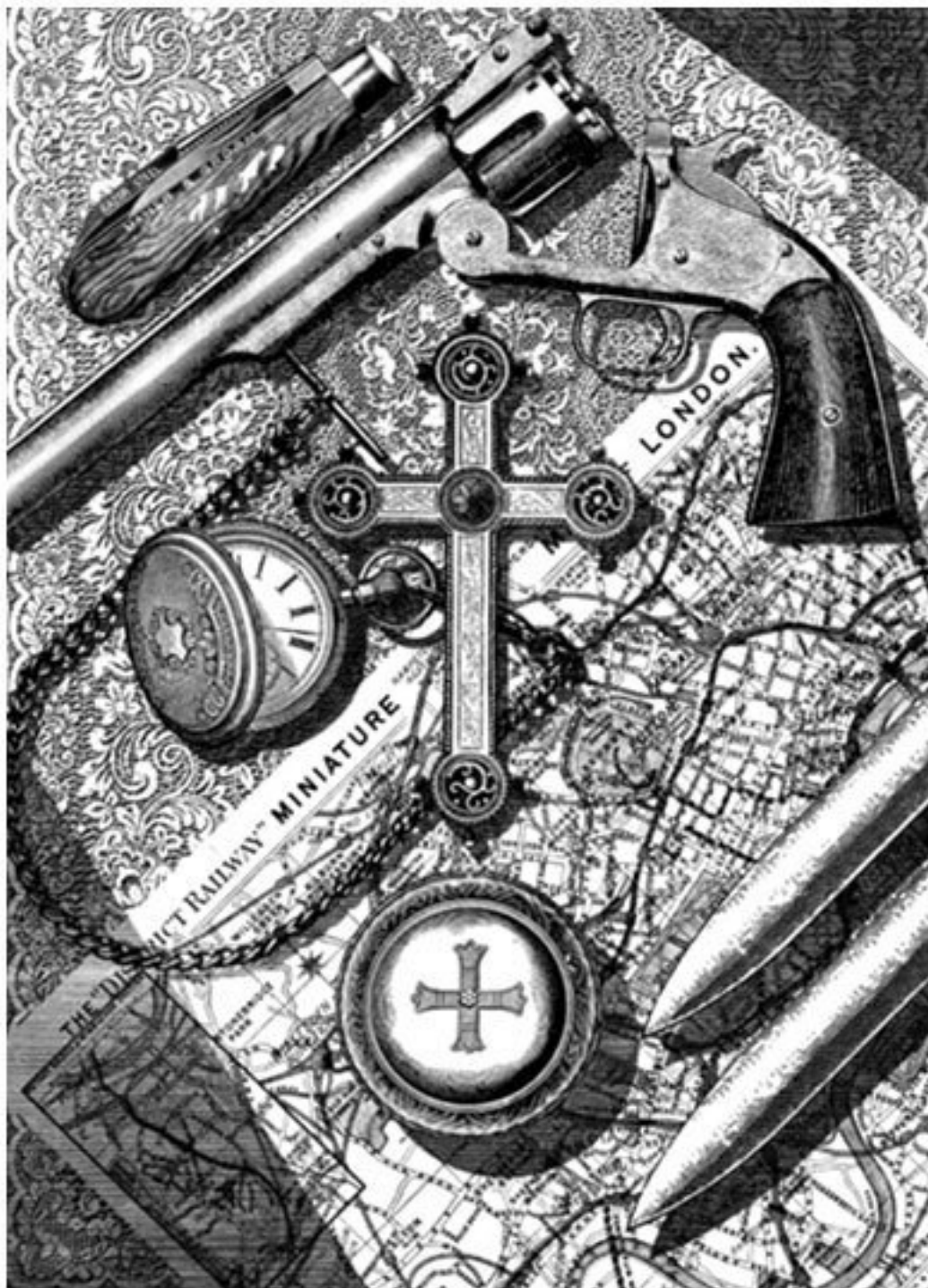

Иллюстрация к роману Брэма Стокера «Дракула». Эдгар Альфред Холлоуэй, 1897.
Stoker, B. Dracula. Westminster: Archibald Constable and Company, 1897

Вампир, эта зловещая в силу своих сверхъестественных качеств фигура, на протяжении веков будоражил воображение людей, а ученые мужи призвали всю свою проницательность для выработки удовлетворительных объяснений, почему этот мертвец после смерти расхаживает среди живых. Еще в 1679 г. лейпцигский теолог Филипп Рор написал историко-философское рассуждение о мертвецах, жующих в своих могилах, каковую тему в 1732 г. подхватил Отто, а следом, в 1734 г. – пастор Михаэль Ранфт. Последний разглядел связи между вампиризмом и ночными кошмарами, причем считал и то и другое иллюзиями, порожденными

богатым воображением. Другие ученые продолжили этот нескончаемый спор: Готтлоб Хайнрих Фогт, Кристоф Пол и некий анонимус, подписывавший свои труды псевдонимом «доктор Веймар», посвятили себя обсуждению гипотетической нетленности тел вампиров. Из-за этого возникла некоторая богословская неувязка, поскольку в теории не подвергались разложению только тела отлученных от церкви. В 1733 г. Йоганн Кристоф Харенберг с ног на голову перевернул ситуацию своим трактатом о вампирах, а в 1738 г. Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржан уже анализировал примеры вампиризма в своем романе¹⁵.

Но если что и дало существенные основания для веры в вампиров, а также для бесчисленных научных трактатов, так это официальные отчеты властей, в том числе опубликованный в 1732 г. в Белграде оберст-лейтенантом Бюттнером и И. Х. фон Линденфельсом протокол о вампирах в сербской деревне Медведжа (Медвегия)¹⁶, равно как и доклад, обнародованный в том же году в Берлине Прусским королевским научным обществом. Из такого рода документов ученые черпали сведения и бесконечно анализировали их, а в 1746 г. аббат-бенедиктинец Сеньонского аббатства Огюстен Кальме (религиозное имя – Дом Кальме) обобщил все эти исследования в трактате «Рассуждения о явлениях духов, а также о привидениях и вампирах в Венгрии, Моравии» (*Dissertation sur les apparitions des esprits et sur les vampires ou les revenants de Hongrie, de Moravie...*), который в 1751 г. был переведен на немецкий язык и с тех пор неоднократно переиздавался¹⁷. Кальме считал, что балканские народы предрасполагают себя к вампиризму под влиянием грубой пищи и суеверного воображения. Основанные на рационализме и позитивизме, объяснения Кальме побудили Вольтера вставить в «Философский словарь» (ок. 1770) отдельную статью о вампирах. Одним словом, начиная с XVIII в. Европу наводняли непрерывные потоки сведений о вампирах, в том числе прямые свидетельства их существования, которые мы находим в местных хрониках. Этому валу информации мы и обязаны, не говоря уже об упомянутых научных трактатах, несколькими выдающимися литературными произведениями, в том числе поэмой Гёте «Коринфская невеста»¹⁸.

Внушительный массив сочинений на вампирскую тему питал воображение современников, но при этом искажал и извращал первоначальные верования, формировал общепринятые представления о вампирах, но самое главное – одним махом низвел целый ряд покойных злодеев и грешников до уровня всего лишь вампиров. Книжки об этих кровопийцах выходили десятилетиями, однако за все это время так и не сподобились восстановить их истинный облик. Скорее, они создавались на потребу широкой публике – той самой публике, что поспешает в кинотеатры, чтобы пощекотать себе нервы комфортными экранными ужасами. Эти сочинения в той или иной степени придавали содержательность устоявшимся представлениям о вампирах, но среди них слишком редко встречаются объективные исследования, которые представили бы и грамотно проанализировали этот феномен, не впадая в абсурд и не призывая в помощь парапсихологию с психиатрией.

В настоящем исследовании я вижу свою цель в том, чтобы, опираясь на свидетельства из первых рук, очистить образ вампира от мифологических наслоений, заново разобраться, во что именно верили наши предки, и раскрыть образ мышления, из которого проистекает вера в вампиров. На мой взгляд, опора на реальность – пусть она давно уже не наша и нам невероятно трудно прояснить мотивы в основе мировоззрения наших предков – фактор наи-

¹⁵ Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржан (1704–1771) – французский писатель-романист и философ, деятель Просвещения; судя по всему, имеется в виду эпистолярный роман «Иудейские письма» (*Lettres juives*), где говорится о вампирах, обитавших на границе Косова и турецкой Сербии. *Прим. пер.*

¹⁶ Протокол об эксгумации тел на местном кладбище приводится в переводе в [приложении 1](#).

¹⁷ Кальме, помимо прочего, оказал влияние на многих беллетристов XIX в.; так, популярный романист Понсон дю Террайль в «Преставившейся баронессе» вкладывает в уста своего героя такой пассаж: «Он имел дело с одним из тех чудовищ, что так хорошо известны в Венгрии и Богемии, где их называют вампирами, и, что характерно, совсем недавно, каких-то года два-три тому назад, отец Кальме написал о них замечательную книгу...»

¹⁸ Schemme W. Die Braut von Korynth: von der literarischen Dignität des Vampirs // *Wirkendes Wort*. 1986. № 36. P. 335–346.

важнейший, хотя бы ввиду его антропологического значения. Вампир – это часть неправильно понятой истории человечества. Вампиру предназначены некая роль и некая функция – не мог же он взять да и возникнуть ниоткуда в XVII–XVIII вв.! Напротив, он вписывается в сложный комплекс сохраняющихся до наших дней представлений о жизни и смерти, хотя явно обедненный по сравнению с далеким прошлым, тем прошлым, которое часто путают с Темными веками, временами невежества и отсталости, которым положили конец восторжествовавший разум и эпоха Просвещения.

И все же не устаешь поражаться, что именно в эпоху Просвещения вампиры, точно эпидемия, распространились везде и повсюду. Любопытнейший факт, верно? По всей видимости, для просвещения умов потребовалось снова вытащить на свет божий старинные поверья, проанализировать их и разобрать по косточкам, чтобы изобличить всю их бессмысленность. Ну конечно! Вот только эффект это возымело лишь частичный, и доводы разума убедили только тех, кто и так считал старинные поверья плодами воспаленных чувств, оптических иллюзий или расстроенного воображения. Однако вампиры не перестают завораживать умы живущих по той несомненной причине, что «являют собой пробел в ткани научных убеждений, настолько прочно и органично сплетенных, что, думается, они никогда не пострадают от натиска со стороны невозможного», как заметил Роже Кайуа¹⁹.

Не будите мертвых. Иллюстрация для книги «Легенды ужаса». Роберт Сеймур, 1826.
Seymour, R. Legends of Terror! and Tales of the Wonderful and Wild. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1826 / University of Minnesota

Вампир, этот символ смерти и потустороннего, которые тайными тропами, но грубо и свирепо вторгаются в мир, откуда их выместили, есть не что иное, как беспокойство, порож-

¹⁹ Роже Кайуа (1913–1978) – французский писатель, эссеист, философ, социолог, наиболее известна его книга о концепции игры «Игры и люди» (1958). *Прим. пер.*

денное разрушением порядка, расколом, несходством взглядов или противоречием. Леон Гозлан, серийный беллетрист²⁰ и автор ряда готических романов, в 1861 г. как нельзя удачно выразил эту мысль: «Но вампиры не вписываются ни в один порядок, класс или определение божьих тварей. Они – не мертвецы, но и не живые, они – смерть в обличье жизни; точнее, они – ужасающая гримаса того и другого. Мертвецы в страхе отвергают тьму, живых она пугает не меньше»²¹. Словом, вампиры – это парии, отверженцы, и нам впору бы скорбеть над их горькой участью. Поль Феваль²² имел что высказать об этом устами героини своего рассказа «Графиня-вампир»: «Убей меня, убей же меня, молю тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа! Нет пытки мучительней, чем прожить эту смерть и умирать в этой жизни»²³. В романе 1875 г. «Город вампиров» Феваль отзывается об этих отталкивающих созданиях как о «...чудесном народе, который гнев Божий рассеял по окраинам нашей земли. Сыны этого народа, наполовину демоны, наполовину призраки, живы и мертвы в одно и то же время; они способны размножаться, но лишены благословенного дара смерти»²⁴.

Считаю своей обязанностью добавить несколько слов о своих источниках. Помимо трактатов XVIII в., где анализируются истории о вампирах, я углубился в первоисточники, давшие фактуру для этих трактатов, и некоторые из них вы найдете в [приложениях](#). В сущности, это выжимки из местных хроник, газет и рассказов, ошибочно называемых преданиями. На самом деле уместнее называть их не преданиями, а меморатами; меморат – это устный рассказ-воспоминание, воспроизводящий личные впечатления о событии, которое, по мнению повествователя, достойно того, чтобы передать его потомкам; поскольку это событие из ряда вон выходящее, непонятное, оно приводит в замешательство, тревожит и пугает. Оно может послужить примером опасностей, коими грозят живым злоешие мертвецы, или перечислять все меры, которые следует предпринять местной общине перед лицом этого бедствия, чтобы избавиться от него. Предание – не сказка и не вымысел, рассказчик воспринимает упоминаемые события прошлого или настоящего как достоверные и, невзирая на отчетливый привкус сверхъестественного, прочно укорененные в повседневной жизни²⁵. Предание неизменно отсылает к лежащей в его основе системе верований. Особенным богатством отличаются верования относительно мертвых, поскольку они все еще живучи, а некоторые народы Восточной Европы и сегодня бережно хранят унаследованные предания.

Поскольку Дракуле, этой инкарнации современного мифа о вампире, посвящено множество исследований, я представлю вам всех прочих личностей, кого принято обозначать собирательным термином «вампир», и возвращу их в контекст мировоззрения их времени, тем самым произведя своего рода археологическое изыскание вызревавшего в XIX в. мифа²⁶, с этапами становления которого мы познакомимся²⁷. И перед вами откроется удивительный мир, на фоне которого романы покажутся вам лишь бледным его отражением, несмотря на все очарование

²⁰ В XIX в. серийным писателем называли автора произведений, которые публиковались последовательно, частями в периодических изданиях, – в этом смысле серийным был его роман «Вампир в больнице Валь-де-Грас», выходивший в газете *La Presse* в течение месяца с июня по июль. *Прим. пер.*

²¹ Gozlan L. *Le Vampire de Val-de-Grâce // La Presse* (June 12 – July 17, 1861). [Вампир в больнице Валь-де-Грас. На русский язык не переводился. *Прим. пер.*]

²² Поль Феваль (1816–1887) – французский писатель, автор популярных приключенческих романов, при жизни пользовался не меньшим успехом, чем Оноре де Бальзак и Александр Дюма. *Прим. пер.*

²³ Féval P. *Les drames de la mort*. 1. *La chambre des amours*; 2. *La Vampire*. Paris: Librairie Hachette, 1865. P. 241.

²⁴ Féval P. *La Ville vampire, aventure incroyable de Mme Anne Radcliffe*. Paris: Dentu, 1875. P. 250. [Феваль П. *Город вампиров* / пер. и прим. Е. Лаврецкой. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2019.]

²⁵ *Les sources régionales de la Savoie / dir. J. Cuisenier*. Paris: N. p., 1879. P. 613.

²⁶ В этой книге я рассматриваю только европейских вампиров. Вдобавок к ним существуют еще иудейская Лилит, пишачи в индуизме (злые духи или демоны, подобные вампирам) и ведические гандхарвы (полубоги).

²⁷ Summers M. *The Vampire, His Kith and Kin*. New York: University Press, 1960.

героев с их побудительными мотивами и психологическими особенностями, напряженность сюжета и интерпретацию, когда в философском, а когда в религиозном ключе.

Глава 1. Миф о вампире

*Мозг из моих костей сосала чаровница,
Как будто бы постель – уютная гробница;
И потянулся я к любимой, но со мной
Лежал раздувшийся бурдюк, в котором гной.*

Шарль Бодлер. Метаморфозы вампира²⁸

Авторы-основоположники

Отцами современного мифа о вампире считаются трое британских писателей: Джон Уильям Полидори (1795–1821), Джозеф Шеридан Ле Фаню (1814–1873) и Брэм Стокер. Заслуга первых двоих в том, что они в известной степени подогревали интерес к вампирам, зато третий, Брэм Стокер, в самом прямом смысле задал современный образ вампира. Почву подготовил готический литературный жанр, начало которому положил роман английского писателя Хораса Уолпола «Замок Отранто» (1764) и попутно вернул в литературную моду атрибуты зловещего пейзажа, так часто встречающиеся нам в произведениях о вампирах: развалины старинных замков, ветшающие часовни, заброшенные кладбища...

Джон Уильям Полидори

В 1819 г. Полидори в своей повести «Вампир» вывел образ жутковатого незнакомца, который объявляется на балу в разгар зимних увеселений лондонского высшего света: лорд Рутвен, примечательный мертвенной бледностью лица, безучастно взирает на окружающее его веселье, словно сам не в силах разделить его, а ледяной взгляд его серых глаз наполняет внезапным страхом сердца, только что предававшиеся беспечной радости. Он обладает нечеловеческой силой, а умирая от гангрены, просит после смерти положить его тело на вершине горы, чтобы его омывали холодные лучи луны. Его предсмертное желание исполняют, но, когда за телом приходят, чтобы похоронить, выясняется, что оно бесследно исчезло. Позже он снова появляется среди живых и губит богатого молодого джентльмена Обри, который раньше водил с ним дружбу и успел понять, что лорд Рутвен, вступивший в брак с его сестрой, на самом деле вампир. Повесть заканчивается такими словами: «...но было уже поздно. Лорд Рутвен исчез, но сестра Обри уже утолила кровавую жажду ВАМПИРА». Созданная в повести обстановка причудливо-фантастична, щедро сдобрена разного рода жуткими подробностями, как будто автор больше старался разжечь воображение читателей, нежели снабдить их конкретными описаниями, из которых можно вывести типологические особенности вампира. Полидори отказал своей повести в счастливой концовке, поскольку лорд Рутвен все еще жив и продолжает сосать кровь у несчастных, кого выбирает себе в жертвы.

Такую же мрачную обреченность мы видим в романе Леона Гозлана «Вампир в больнице Валь-де-Грас» (1861), по сюжету которого персонажи не потрудились вбить кол в грудь вампира Брэма Стромбольда, «каковая оплошность им очень дорого обошлась. *Бруколака*²⁹ снова и снова возвращался в мир живых, причиняя горе и страдания многим семействам»³⁰.

---

²⁸ Пер. В. Микушевича.

²⁹ *Бруколака* – мертвое тело человека, отлученного от церкви.

³⁰ Роман публиковался частями в выпусках газеты La Presse с 12 июня по 7 июля 1861 г.

В романе у Ричарда Мэтисона «Я легенда» (1954) вампиры пошли вразнос и высосали кровь чуть ли не у всего человечества, от которого осталась лишь горстка людей.

Повесть «Вампир» Джона Полидори дала начало вампирскому жанру в английской литературе. Ее сразу же перевели на французский язык, а годом позже Шарль Нодье написал на ее сюжет новеллу под названием «Лорд Рутвен, или Вампиры». В 1825 г. в свет вышел новый французский перевод повести Полидори. Вампиры пользовались оглушительным успехом. Как справедливо отметил один немецкий критик, «Созданный Полидори лорд Рутвен сделался кем-то вроде Дракулы XIX века». В 1820 г. Театр Порт-Сен-Мартен поставил на своей сцене мелодраму «Вампир», переделанную из повести Полидори тем же Нодье в содружестве с Пьером Франсуа Кармушем и Ашилем де Жоффруа. Вот как отзывалась на вампирскую моду французская пресса: «Нет ни одного парижского театра, который не мог бы похвастаться собственным вампиром! На сцене Порт-Сен-Мартен идет “Вампир”, в варьете – “Вампиресса”, а в мюзик-холле – “Три вампира, или Лучи лунного света”». Кровососы вторглись даже в чертоги оперы. Самая известная из них, романтическая опера немецкого композитора Генриха Маршнера на либретто Вильгельма Вольбрюка, была впервые исполнена в 1828 г. в Лейпциге.

Джозеф Шеридан Ле Фаню

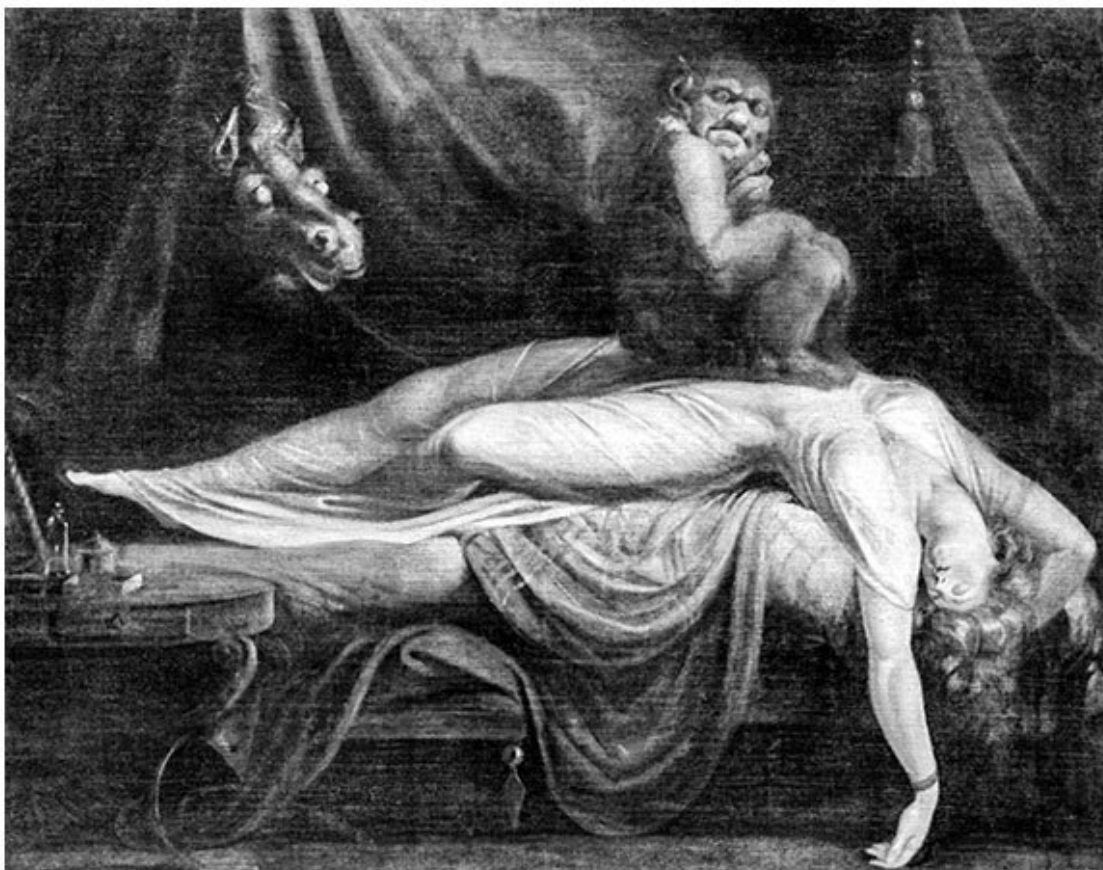
В 1872 г. Шеридан Ле Фаню вывел в повести «Кармила» вампира в женском облике – вампиршу, избирающую в жертвы исключительно женщин³¹, которую поместил в длинный ряд нечисти из верований и преданий, восходящих к гулям, злобным духам и эмпусам³² классической античности. Подобного персонажа можно встретить у Теофиля Готье в новелле «Любовь мертвой красавицы», а также в готическом рассказе «Семья вурдалака» А. К. Толстого, троюродного брата знаменитого писателя Льва Толстого. У Шеридана Ле Фаню молодая женщина по имени Кармила однажды появляется в одном уединенном замке в Штирии и представляется Миркаллой, графиней Карнштайнской, которая умерла более ста лет назад, а ее могила находится в какой-то полулиге от замка. Далее начинается череда подозрительных смертей среди девушек округа. Потом происходит нападение на главную героиню Лору, от чьего лица ведется рассказ, и говорится, что в окрестных лесах, наводя ужас на их обитателей, водится упырь. Сведения о таинственной графине Шеридан Ле Фаню по крупицам и кусочкам рассыпают по всему тексту произведения: Кармила, чье имя является анаграммой имени Миркалла, отказывается раскрыть приютившим ее хозяевам замка свое родовое имя, название своего поместья и даже страну, откуда она родом; никто в замке никогда не видел, чтобы Кармила притрагивалась к пище; она никогда не молится; она не выносит ни похоронных, ни церковных песнопений; она способна покидать свою комнату, не раскрыв при этом ни двери, ни окна; у нее регулярно случаются приступы изнеможения; зубы у нее заострены, как клыки хищника; и она умеет обращаться в монструозную кошку, напоминающую *Мару*³³ с картины живописца Иоганна Генриха Фюсли «Кошмар», у которой много общих черт с вампиром³⁴. Вот как Ле Фаню описывает первое нападение Кармиллы на Лору:

³¹ Приведенные мной цитаты позаимствованы из перевода, сделанного G. Camille и опубликованного в: Jaloux E. Histoire des fantômes anglais [Жалу Э. История английских привидений]. Paris: Gallimard, 1962. P. 23–92. [В переводе с французского языка на английский использованы цитаты из английских оригиналов. Пер. англ. изд.]

³² *Гуль* – оборотень в арабской, персидской и тюркской мифологиях. *Эмпуса* (или *эмпуза*) – в греческой мифологии женщина-демон, состоящая в свите Гекаты, предстающая в образе ужасного призрака с ослиными ногами, одна из которых медная. *Прим. пер.*

³³ *Мара* (англ. nightmare) определяется в словаре Merriam Webster's Collegiate Dictionary (11-е изд.) как «злой дух, который, согласно старинным преданиям, садится спящим на грудь, вызывая у них удушье». *Прим. ред. англ. изд.*

³⁴ Schief G., Viotto P. Tout l'oeuvre peint de Füssli. Paris: Flammarion, 1980. Альбом, илл. 17. См. также: Terramorsi B. La Revenance du Nightmare de Heinrich Füssli dans la littérature fantastique // La Littérature comparée et les arts: les motifs du fantastique / eds. J. Bessière, F. Montclair. Paris: Ellipses, 1998.

Ночной кошмар. Иоганн Генрих Фюсли, 1781.
Detroit Institute of Arts

Той ночью мне приснился сон, положивший начало долгой изнурительной болезни... Вряд ли это можно назвать бредом, потому что я хорошо сознавала, что сплю. Но я видела, что нахожусь у себя в комнате и лежу в постели. Обстановка была такой же, как вечером, когда я ложилась в постель, за исключением единственной детали: в спальне стояла непроглядная тьма. В ногах моей постели по полу двигалась какая-то смутная тень. Сначала я никак не могла ее разглядеть, но затем глаза мои различили зверя, черного, как сажа, похожего на чудовищную кошку. Вступив на коврик у камина, она полностью накрыла его своим телом, и значит, в ней было не меньше четырех-пяти футов длины. Исполненная дикой грации, она беспокойно кружила по комнате, как дикий зверь в клетке. Как вы догадываетесь, я похолодела от ужаса, но крик застрял у меня в горле. Кошка заметалась быстрее, в комнате стало совсем темно. Теперь я не различала ничего, кроме ее горящих глаз. Тут я почувствовала, что она легко вспрыгнула на мою кровать. Два широко распахнутых глаза надвигались на меня, приблизились к самому лицу... и вдруг грудь мою пронзила острая боль, как будто в кожу на расстоянии дюйма друг от друга вонзились две большие иглы. Я завизжала и проснулась. В комнате по-прежнему горела свеча. Ее свет выхватывал из темноты женскую фигуру, стоящую у изножья кровати. На ней было просторное темное платье, густые волосы облаком окутывали плечи. Она стояла неподвижно, как каменная статуя. Казалось, она даже не дышит. Под моим взглядом женщины чуть

переместилась, потом еще, приближаясь к двери. Дверь распахнулась, и незнакомка исчезла.

Выпивая кровь у своих жертв, Кармила оставляет на их коже багрово-синие отметины. А когда на нее набрасывается генерал Шпильсдорф, чью любимую племянницу она погубила, Кармила попросту растворяется в воздухе: «Недолго думая, я пронзил ее шпагой, но она отскочила на шаг, целая и невредимая. Я бросился за ней – мерзавки след простыл! Шпага вонзилась в дверь и разлетелась на куски». При следующей попытке уничтожить Кармиллу «генерал обрушил ей на голову тяжелый топор. Она ловко увернулась и крепко схватила его за запястье своей крохотной ручкой. Он пытался высвободиться, но пальцы его разжались, и топор выпал из рук. Кармила исчезла без следа». Для избавления от этой жуткой особы отец Лоры вместе с генералом вскрывают ее могилу.

Иллюстрация к роману «Кармила». Дэвид Генри Фристон, 1872.

The Dark Blue (magazine), London: John Camden Hotten, 1872 / Wikimedia Commons

На следующий день в часовне Карнитайнского замка собрались представители закона и церкви. Могила графини Карнитайн была вскрыта; и отец, и генерал узнали каждый свою вероломную красавицу-гостью. Черты лица графини, похороненной сто пятьдесят лет назад, дышали теплотой жизни. Глаза были открыты; из гроба не исходило тошнотворного могильного запаха. Покойницу осмотрели два врача: один официально входил в состав комиссии, другой был приглашен инициаторами расследования. Оба зафиксировали слабые, но отчетливые признаки дыхания и сердцебиения. Члены покойной оставались гибкими, плоть – упругой. Тело графини было погружено в кровь, наполнявшую свинцовый гроб на глубину семи дюймов. Все эти признаки неоспоримо свидетельствовали о вампиризме. Тело, как ведется исстари, было извлечено из гроба. В сердце вампира вогнали крепкий осиновый кол; чудовище издало пронзительный вопль, похожий на предсмертный крик

живого человека. Палач взмахнул топором – из перерубленной шеи фонтаном хлынула кровь. Тело и отрубленную голову положили на высокую грудку дров, сожгли дотла, а пепел высыпали в реку. С того дня вампиры больше не тревожили жителей этих мест.

Шеридан Ле Фаню прекрасно разбирался в классике вопроса, все его короткое повествование имеет в своей основе сведения, почерпнутые им из рассказов цирюльников, хирургов, ученых и у писателей XVIII в. В пользу этого говорит вышеприведенное описание, а исходные данные мы рассмотрим позже. Вопреки некоторым утверждениям, Шеридан Ле Фаню ознакомился не только с трактатом Дома Кальме, где обобщены все имевшиеся на 1759 г. представления о вампиризме, но и с официальными документами, подтверждавшими написанное им, отсюда и нечто вроде приложения к повести, призванное вселить в читателя еще больше тревоги и смутнения.

Остается непостижимой тайной, каким образом вампиры покидают могилы и возвращаются в них на определенные часы дня, не потревожив ни земляной насыпи, ни крышки гроба, ни своего савана. <...> Вампирам свойственно увеличиваться в числе, однако их размножение подчинено строгим законам потустороннего мира. Предположим, что некоторая область совершенно не затронута этой напастью. Откуда берутся вампиры? Поясню. Однажды человек, в той или иной степени развращенный, кончает с собой. При определенных обстоятельствах труп самоубийцы может сделаться вампиром. Это исчадие ада нападает на беззащитных людей во сне; жертвы умирают и в могиле, в свою очередь, почти наверняка перерождаются в вампиров.

Брэм Стокер

Вопрос, поставленный в приведенном выше фрагменте из «Кармиллы», спустя несколько лет разрешает Брэм Стокер в романе «Дракула». Этим произведением мы обязаны страстному увлечению автора вампирами, что подвигло его даже подвести теоретическую базу под знания о вампиризме. С этой целью Стокер ввел в роман профессора Абрахама Ван Хельсинга, вампиролога по роду занятий; прообразом ему послужил профессор Будапештского университета и признанный ориенталист Арминий Вамбери, с которым Стокер познакомился в Лондоне в 1890 г. В романе Ван Хельсинг сообщает своим друзьям все, что им следует знать о вампирах, и его лекция поистине закладывает фундамент современного мифа о вампире:

Вампир живет и живет. Просто от старости он не умрет; он будет процветать там, где сможет упиваться кровью живых. Более того, мы видели, что он способен возвращать себе молодость, что его жизненные функции восстанавливаются и словно обновляются, когда он в изобилии обеспечен своей особой пищей. Но он может существовать только на этой диете, иная пища не пойдет ему впрок. Даже наш друг Джонатан, неделями живший с ним бок о бок, ни разу не видел, чтобы он ел. Ни разу! Он не отбрасывает тени, его не отражают зеркала – опять же по наблюдениям Джонатана. Сила его руки равняется силе многих, свидетельствует Джонатан, которому он помогал спуститься из дилижанса и на чьих глазах удержал дверь против напавшей на нее стаи волков. Он умеет превращаться в волка, как мы можем заключить на основании фактов о его прибытии на ихуну в Уитби, где он выпустил кишки собаке; он может обратиться в летучую мышь... Он может облекать себя туманом, который сам напускает... <...> Он ходит с лунными лучами как мириады пылинок – опять же Джонатан видел тех сестер в замке

Дракулы. Он способен уменьшаться в размерах – мы сами видели, как мисс Люси, пока она не обрела покой, проскальзывала в приоткрытую на волос дверь склепа. Однажды проникнув куда-нибудь, как бы плотно ни было замкнуто, считай, даже запаяно, помещение, или польхай там даже огонь, он может входить и выходить беспрепятственно. Он видит в темноте – немаловажная способность в мире, наполовину погруженном в мрак. Но слушайте же дальше. Он все это может, но он не свободен. О нет, он в оковах куда более, чем раб на галерах или преступник в карцере. Он не властен пойти, куда ему вздумается; хоть и порождение иной реальности, он все же не может не подчиняться некоторым законам природы – почему так, мы не знаем. Он не может переступить порог дома, где прежде не бывал, пока его не пригласят хозяева, зато потом волен приходить когда пожелает. Сила его, как и прочей нежити, с наступлением дня ослабевает. Лишь в определенное время он может пользоваться ограниченной свободой действий. Если он находится не на своей исконной территории, обращаться в иное существо он может только в полдень или на рассвете и закате. <... > Таким образом, если он волен творить все, что ему угодно, в отведенном ему прибежище – в своем земном доме, в гробу, в преисподней, в нечестивом месте – мы сами видели, как в Уитби он ходил на могилу самоубийцы, – то в других случаях он может менять облик, лишь когда приходит его час. Говорят также, что он может перейти через проточную воду только во время отлива или прилива. Есть вещи, воздействие которых лишает его силы, это, как нам уже известно, чеснок, что же касается предметов освященных, таких символов, как мое распятие, пребывающее с нами даже сейчас, когда мы все для себя решили, то для вампиров оно ничего не значит, хотя они норовят держаться от него подальше и почтительно помалкивать. Есть и другие предметы, о которых я вам расскажу, поскольку они могут нам понадобиться в дальнейших поисках. Ветка шиповника, положенная на гроб, не даст ему выбраться из него, освященная пуля, если ею выстрелить в его гроб, действительно убьет его насмерть, как и вонзенный в грудь кол, в чем мы имели возможность убедиться; или отсечение головы навечно дарует ему покой³⁵.

Когда профессор Ван Хельсинг, которого некоторые уже окрестили «викторианским Джеймсом Бондом», собирается покончить с Люси, по смерти превратившейся в вампира из-за укуса Дракулы – вот вам одно из главных «объяснений» распространения вампиризма, – он рассказывает своим друзьям, что намеревается сделать: «Отрублю ей голову, набью ей рот чесноком и вобью кол в ее тело».

---

³⁵ Stoker B. *Dracula*. New York: W. W. Norton, 1996. [Перевод скомпилирован из двух русскоязычных изданий, в основном из: Стокер Б. Дракула: роман / пер. с англ. СПб.: Азбука-Классика, 2010. С. 304–305. И отчасти из: Стокер Б. Дракула / пер. с англ. Т. Красавченко. М.: Эксмо, 2023. С. 264–265; в ряде мест предлагаю свой вариант как более близкий к оригиналу романа. *Прим. пер.*]

Иллюстрация к роману Брэма Стокера «Дракула». Эдгар Альфред Холлоуэй, 1897.
Stoker, B. Dracula. Westminster: Archibald Constable and Company, 1897

Стокер вводит в вампирский миф новую деталь – чеснок, продукт, пользовавшийся неизменной популярностью. По утверждениям исследователей, на протяжении всей истории вампиров чеснок неизменно служил надежным амулетом против них, в подтверждение чего приводилась цитата из Гая Тиция (II в. до н. э.), где утверждалось, что детям следует вешать на шею чеснок, дабы он отгонял от них «темную зловонную кровососушую нечисть». Прозванный

в Средневековье «мандрагорой бедняков», чеснок считался особенно действенным средством против злых магических заклинаний. Считалось, что чеснок, как и всякое остро пахучее растение, обладает силой отгонять злых духов. А те, как всем известно, способны проникать в тела покойников с целью оживлять их. Именно это представление послужило решающим фактором для включения чеснока в арсенал борьбы с ревенантами. Так чеснок превратился в средство для отпугивания духов и привидений. В Румынии зубчики чеснока специально подкладывали в гроб, набивали им рот, нос и уши покойника, чтобы он не обратился в ревенанта (*стригоя*). Сказать, что это поверье необычайно живуче, означает лишь констатировать очевидный факт, а в подтверждение приведем заметку, опубликованную 10 января 1973 г. в немецкой газете «Зюддойче Цайтунг» (*Süddeutsche Zeitung*):

Деметрий Мисюра, 56-летний поляк, проживавший в Лондоне, до потери пульса боялся вампиров, что, собственно, и привело его к гибели. При осмотре тела медицинский эксперт установил, что Мисюра задохнулся от дольки чеснока, которую на ночь клал себе в рот. В его комнате обнаружили запасенные в огромных количествах чеснок, соль и перец, также предназначавшиеся для защиты от вампиров.

Абрахам Ван Хельсинг знал, что вампиру хватит самой крохотной щелочки, чтобы выбраться из могильного заточения, и вот что он проделал, чтобы не дать Люси-покойнице вернуться в свой склеп:

...Ван Хельсинг развил бурную деятельность: достал из своей сумки что-то вроде маленьких тоненьких вафель, бережно завернутых в белую салфетку, а следом две полные горсти белесого вещества, напоминающего не то тесто, не то замазку. Мелко покрошив вафельки, он смешал их с тестом, а из полученной массы приготовил тонкие полоски, которыми стал замазывать щели вокруг двери в склеп.

Когда Люси возвращается после своих ночных походов, ей преграждают путь Ван Хельсинг со товарищи, и она прилагает отчаянные усилия, чтобы вернуться в свою могилу.

...В нескольких шагах от двери [она] замерла, будто остановленная непреодолимой силой, и обернулась. В свете луны и фонаря, уже не дрожавшего в руках Ван Хельсинга, стало видно ее лицо. <...> Она простояла между крестом и запечатанным входом в склеп не больше минуты, но нам это показалось вечностью. <...> Мы услышали, как звякнул поставленный на землю фонарь, Ван Хельсинг приблизился к склепу и принялся извлекать из щелей священные символы, которыми запечатал дверь. Потом отступил в сторону. Пораженные ужасом, мы смотрели, как женщина, обладающая вроде бы такой же плотью, как у нас, вдруг проскользнула в щель, куда едва бы втиснулось лезвие ножа.

Еще одно объяснение тому, каким образом вампир возвращается в могилу, предложил в Средние века английский хронист и теолог Вильям Ньюбургский, когда в конце XII в. описывал безобразия, учиненные пришельцем с того света в аббатстве Мелроуз: однажды, получив удар топором от отважного монаха, этот «монстр издал громкий крик и, обратив тыл, бросился бежать гораздо быстрее, чем приближался, в то время как доблестный муж, вынудив своего противника бежать отсюда, заставил его вновь искать свою могилу, которая открылась при его приближении, впустила своего гостя, защитив от надвигающегося преследователя, и сразу же с легкостью приняла закрытый вид»³⁶. Следует отметить, что этот способ возвращения в

---

³⁶ Historia rerum Anglicarum V, 24 / ed. R. Howletts // Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I. Vol. 1.

своем роде уникален, – виданное ли дело, чтобы могилы обладали свойством самопроизвольно открываться-закрываться!

А. К. Толстой

В числе отцов современного вампирского мифа мы обязаны упомянуть графа Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). В рассказе «Семья вурдалака» он прослеживает превращение в вампиров целого семейства. Все начинается с того, что в одной сербской деревне глава семьи старый Горча вместе с другими смельчаками собирается в горы на охоту за разбойником-турком (последнее время разорявшим тот край) и дает сыновьям такой наказ:

...Ждите меня десять дней, а коли на десятый день не вернусь, закажите вы обедню за упокой моей души – значит, убили меня. Но ежели, – прибавил тут старый Горча, приняв вид самый строгий, – ежели (да не попустит этого Бог) я вернусь поздней, ради вашего спасения, не впускайте вы меня в дом. Ежели будет так, приказываю вам – забудьте, что я вам был отец, и вбейте мне осиновый кол в спину, что бы я ни говорил, что бы ни делал, – значит, я теперь проклятый вурдалак и пришел сосать вашу кровь³⁷.

London: Longman Rolls Series, 1884. [Цит. по: Уильям Ньюбургский. История Англии / пер. Д. Н. Раков. 2006. Гл. 24. О некоторых чудесных людях // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus12/William_Newburgh/text10.phtml?id=1546 (дата обращения: 03.02.2026).]

³⁷ Цит. по: Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1969. Т. 2. С. 77.

Иллюстрация к рассказу «Семья вурдалака». Гравюра на дереве. Карл Мар, 1924.
Tolstoy, A. K. Die Familie des Wurdalak. Translated by Herbert von Hebner. München: Erich Matthes, 1924

Однако родные не исполнили наказа, и возвратившийся домой Горча убивает своего внука – так начинается череда превращений его домочадцев в вампиров.

...Мальчик и вернулся ночью, плакал под дверью, ему, мол, холодно и домой хочется. У дуры-матери, хоть она сама его и хоронила, не хватило духа прогнать мальчика на кладбище, – она и впустила его. Тут он набросился на нее и высосал у нее всю кровь. Когда ее тоже похоронили, она вернулась и высосала кровь у меньшого мальчика, потом – у мужа, а потом у деверя. Всем – один конец.

А. К. Толстой приводит в рассказе немало деталей, составляющих основу мифа о вампире: когда этот монстр приближается, жертва впадает в ступор и не может пошевелиться; другие авторы упоминают смертельную слабость; все происходит так, словно вампир наделен гипнотической силой; заподозрив в ком-то вампира, окружающие избегают называть его имя или косвенно упоминать его из опасений, что этим могут вызвать из могилы; вампиры не переносят священных реликвий (мошей, распятий и пр.).

От вампира к женщине-вампи

Кармила у Шеридана Ле Фаню, превратившаяся в вампира Люси Вестенра у Брэма Стокера, вампиресса Кларимонда в новелле Теофиля Готье «Любовь мертвой красавицы»³⁸ – вот всего лишь несколько имен в длинном ряду авторов и их героинь, которые создали образ женщины-вампира, той самой, что даст начало *cum grano salis* (т. е. не без оговорок) фигуре современной женщины-вампа, роковой красавице, которой авторитетный словарь Merriam Webster's Collegiate Dictionary дает следующее определение: «Женщина, пускающая в ход свои обаяние, шарм или хитрые уловки, чтобы соблазнять мужчин и использовать их к своей выгоде». Женщина-вамп неодолимо соблазнительна, против ее чар невозможно устоять, и для мужчины наслаждение умереть от ее поцелуев. Вспоминается фильм Роже Вадима «Умереть от наслаждения» (*фр.* Et mourir de plaisir; в американском прокате «Кровь и розы»), зловещая двусмысленность которого добавила успеха его литературной основе. Женщины-вамп – эти обладательницы холодной красоты, требующей без остатка отдаться в ее сладострастный плен, – испытывают наслаждение, глядя, как мучаются и умирают их жертвы, поджариваемые на медленном огне страданий. Вспомним, что у Ле Фаню вампиресса Кармила, в отличие от своих прочих жертв, обрекает подругу Лору на медленную смерть, а чувства, которые она и не думает скрывать, тревожат и смущают душу³⁹. А Люси Вестенра у Стокера? Ее черты тоже разительно меняются, когда она превращается в вампира: «...[она] окинула нас взглядом. По форме и цвету это были глаза Люси, но не ясные и ласковые, как прежде, а тусклые, тлеющие дьявольским огнем... <...> Она взглянула на нас, ее глаза полыхнули адским пламенем, лицо исказилось сладострастной улыбкой». Она приближается к своему жениху Артуру «с томной чувственной грацией, призывая: “Приди ко мне, Артур! <...> Мои объятия жаждут тебя... приди же, мой супруг”». Трудно устоять против призыва женщины-вампа, даже если жертва, как в рассказе у А. К. Толстого, знает, что та уже мертва. Вот что рассказывает господин д'Юрфе:

---

³⁸ Текст опубликован в: *Histoires des morts vivants*. Paris: N. p., 1977. P. 67–104; Terramorsi B. *Une Cure d'amour: La Morte Amoureuse de Théophile Gautier* // *Bulletin de SFLGC*. 1992. № 13. P. 75–100.

³⁹ Signorotti E. *Repossessing the Body. Transgressive Desire in Carmilla and Dracula* // *Criticism*. № 38. P. 607–632.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.